

ОТЗЫВ

официального оппонента

о диссертации Тюкиной Дарьи Сергеевны

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТАНАТОЛОГИЯ БАЛЛАДНОГО ТВОРЧЕСТВА А.К. ТОЛСТОГО В
КОНТЕКСТЕ РУССКО-НЕМЕЦКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ»,

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы

народов Российской Федерации

(Калуга, 2026, 202 с.)

Диссертация Д.С. Тюкиной – серьезное научное исследование, объединяющее три значимые литературоведческие проблемы: танатологию как раздел поэтики, особенности жанра баллады в творчестве А.К. Толстого и специфику влияния немецкого романтизма на русскую литературу XIX века, что позволяет автору работы выйти на осмысление жанрового, межкультурного и философского уровней изучаемого материала.

Актуальность научной работы, посвященной балладному дискурсу А.К. Толстого в контексте русско-немецкого культурного диалога XIX века, производит позитивное впечатление благодаря своей концептуальности и междисциплинарности. Важным представляется то, что в качестве «репрезентативного примера» (стр. 5) выбрано творчество А.К. Толстого, которое позволяет рассматривать синтез немецкой и русской литературных традиций. Баллада, в свою очередь, действительно обладает «высоким потенциалом символической и мифологической насыщенности» (там же), что делает жанр наиболее адекватным для рассмотрения темы смерти.

Рассматривая *степень разработанности научной проблемы*, Д.С. Тюкина обращается к традиционным исследованиям темы смерти: работам М.М. Бахтина (дихотомия «смерть извне/ смерть изнутри»), Ю.М. Лотмана (смерть как сюжетобразующий элемент), концептуальным работам одного из основоположников современной филологической танатологии – Р.Л. Красильникова. Не вызывает сомнений и глубина проработанности материалов по русско-немецким связям от Г. Кенина до Ю. Леманна и А. фон Гронница.

Изученные исследования позволяют диссертанту логически обосновать избранные направления работы: рассмотрение концепции романтизма и его философскую основу, жанровую специфику баллады и национальную традицию.

Научная новизна определяется комплексным компаративистским анализом танатопэтики А.К. Толстого и немецких романтиков, что позволяет расширить представления о русско-немецких литературных связях, углубить понимание поэзии А.К. Толстого и сформулировать национальные особенности романтической концепции смерти.

Положения, выносимые на защиту, отличаются структурированностью и четкостью. Они позволяют представить общую структуру диссертации, в которой основным становится иерархический принцип: мотив – образная система – пространственно-временная организация.

Теоретическая значимость работы видится прежде всего в том, что в ней решается проблема системности в изучении влияния немецкой баллады на балладное творчество А.К. Толстого, что имеет важное значение для восполнения лакун в воссоздании истории жанра в русской литературе.

Практическая значимость работы подтверждается тем, что её положения и выводы могут служить существенным дополнением в построении вузовских курсов истории русской литературы, истории поэзии XIX века. Проанализированные Д.С. Тюкиной материалы также могут быть использованы в разработке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных изучению творчества А.К. Толстого и проблемам русского романтизма.

Глава диссертации «Танатология и современная компаративистика» является традиционным и необходимым для раскрытия темы обзором исследований по изучаемым проблемам. Д.С. Тюкина показывает генезис и эволюцию современного раздела литературоведения (танатологии/танатопэтики). Наиболее значимым в параграфе 1.1 является обоснование терминов «танатология» и «танатопэтика» и выявление их различий. В параграфе 1.2 представлена история развития сравнительного литературоведения. Автор диссертации выделяет основные этапы развития научной мысли. К положительным сторонам относится добросовестное изложение основных положений научных концепций, использование примеров.

В главе «Балладное творчество в немецкой и русской поэзии» Д.С. Тюкина рассматривает немецкую романтическую балладу в историческом, философском и литературном контекстах, что позволяет выявить эволюцию жанра от его истоков

в эпоху Просвещения до эпохи романтизма. Автор диссертации обоснованно «вписывает» жанр в философский контекст, останавливаясь на основных положениях немецкого идеализма, обращая внимание на идеи Канта, Фихте, Шеллинга и их последователей Шольца, Кайзера, Хинка. Фрагмент параграфа о немецком идеализме является наиболее содержательным, потому что в нем объясняется процесс трансформации категорий «вещи в себе» и активности «Я» в культ творческой личности и идею «магического идеализма» Новалиса.

Удачным следует признать определение особенностей жанра баллады и указание его основных черт: лироэпичность, специфический хронотоп, символизация. Это позволяет автору достаточно четко определить границы изучаемого жанра и верно представить отличительную особенность немецкой романтической баллады, сочетающей «непосредственность чувств» и «злую иронию». Суждения, высказанные в параграфе, иллюстрируются глубоким анализом стихотворения Гете «*Selige Sehnsucht*», который позволяет диссертанту продемонстрировать понимание философской лирики поэта и умение работать с иноязычным текстом.

Логичным представляется обращение в диссертационном исследовании к поэтике баллад Жуковского, маркированных мотивом смерти. Национальный характер баллад Жуковского в диссертационном исследовании доказывается сравнением «Людмилы» и «Светланы» с «Ленорой» Бюргера, подтверждающим, что сюжет свадьбы с мертвецом (вопреки мнениям И.М. Семенко и О.В. Богдановой) является достаточно традиционным для русского фольклора. Связь с народной балладой и славянской мифологией подтверждается рассмотрением образа ворона, в ходе анализа которого доказывается определяющая роль мотива вещи птицы в структуре баллады (с.71).

Продуктивной является и типология мотива смерти, предложенная автором: мистико-символическая (оживший мертвец), бытовая (убийство из ревности), философско-фаталистическая (принятие судьбы), синкретичная (соединение христианской и языческой символики в балладе «Громобой»).

Влияние немецкой балладной традиции на развитие жанра в русской поэзии рассмотрена основательно и глубоко. Д.С. Тюкина использует комплексный подход, базирующийся на изучении механизмов адаптации немецкой литературы на русскую. Обращение к истории вопроса (переводческая деятельность И.В. Пруста, Э. Глюка, Я. Штелина, художественная трансформация прецедентных

текстов В.А. Жуковским и А.К. Толстым) позволяют раскрыть принципы усвоения приемов немецкой баллады русской литературой.

Особого внимания заслуживает системный анализ танатопэтики А.К. Толстого в свете идей немецкого романтизма, позволяющий выделить принцип романтического двоемирия и особенности создания балладного дискурса поэта. В ходе изучения текстов установлено присутствие мотивов оборотничества, инициации и пути; элементов балладного хронотопа (лес, кладбище, ночь); суггестивных образов (окровавленные одежды, хромота ведьмы); мифологем («смерть уравнивающая всех», «король под горой»), что делает представленный материал убедительным.

Наибольший интерес представляет третья глава диссертации, в основе которой лежит сравнительный анализ художественных текстов. Автор исследования сосредотачивает свое внимание на особенностях архаических и языческих представлений о смерти в творчестве А.К. Толстого (баллады «Князь Ростислав» и «Гаральд Гарфагар»). Проведенный анализ позволяет выявить, как общие черты романтического миропонимания, так и особенности реализации авторской позиции. Не случайно автор диссертации проводит сравнение между образом русалок в фольклорной и литературной традициях, подчеркивая, что в немецкой литературе русалка является своеобразной данью гейдельбергскому романтизму, а не народным представлениям о низшей демонологии.

Д.С. Тюкина доказывает, что обращение к «архаическим, языческим верованиям» в балладах Толстого заключается не в стремлении реконструировать фольклорную основу, а в создании целостной модели мира, где смерть мыслится как трансформация, а не абсолютное исчезновение. Эта мысль подчеркивается анализом образа «дна реки/моря», который становится своеобразным пограничьем, «хронотопом вечности», соединяющим мифологический, исторический и литературный пласты.

Сравнительный анализ архетипических структур и мифопэтики в балладах А.К. Толстого «Канут», Л. Уланда «Смерть отрока» и Ф. Шиллера «Ивиковы журавли» позволяет выявить танатологический подтекст, реализуемый в мотивах дороги и инициации, обусловленной связью с погребальным обрядом, движения вдоль моря, что является предвестником смерти, но не реализуется до конца. Не менее интересен анализ образа тумана – границы между двумя мирами, и трансформация образа соловья, который не воспринимается певцом любви, а становится знаком смерти.

Важно и то, что в ходе анализа автору диссертации удается обнаружить типологическое сходство между немецкими балладами и балладой Толстого. Оно заключается в сходстве отношений к предзнаменованиям, игнорируемых героями, в схожести пограничных локусов (лес, лес у воды), внезапной смерти и не до конца реализованной инициации.

Анализ танатологических мотивов в балладах А.К. Толстого «Курган» и И.-Х. Цедлица «Корабль призраков» не только выявляет особенности влияния немецкого текста, но и устанавливает типологическое сходство с позиций танатопэтики: репрезентация смерти, загробное существование и пограничное состояние.

Д.С. Тюкина впервые проводит сравнительный анализ ранней редакции «Кургана» (уточняя, что он ближе к тексту Цедлица) и «Корабля призраков». При изучении художественных особенностей баллад используется широкий контекст: от средневековой легенды о трех живых и трех мертвых до концепции «приуроченной смерти» Ф. Арьеса и славянских погребальных ритуалов. Это позволяет сделать вывод, что курган не является символом смерти, а воплощает мысль о неразрывности связи героя с родной землей. Образ кургана становится своеобразным национальным культурным кодом, в отличие от «пустыни» Цедлица.

Художественное осмысление категории жизни и смерти автор диссертации рассматривает через призму танатопэтики баллад Толстого «Волки» и Гете «Цыганская песня». Выбор текстов для анализа определен сходством мотива оборотничества – одного из архетипических мотивов. Д.С. Тюкина подробно рассматривает историю и мифологию мотива оборотничества: от античности и славянской древности до европейской демонологии. В этой связи особый интерес вызывает противопоставление языческой (волк – помощник, мудрость) и христианской (волк – дьявол, искушение), позволяющее сделать вывод о принципиальных различиях в балладах Толстого и Гете.

Удачным следует признать изучение нумерологического кода в балладе Толстого. Художественная интерпретация чисел 7,8,9 и 13, как справедливо указывает исследовательница, восходит к славянской ведической традиции. Данное положение можно признать научным открытием Д.С. Тюкиной, доказывающим, что Толстой не заимствует, а заменяет западную символику, наполняя ее более традиционными для русского сознания смыслами.

Мотив «чаши жизни» исследуется автором диссертации при сопоставительном анализе баллады Толстого «Слепой» и Гете «Певец». Автор последовательно прослеживает трансформацию мотива поэт и толпа через танатопэотику, акцентируя внимание на мотивах смерти, умирания и воскресения в искусстве, выявляет различия в отношении к смерти у поэтов.

В целом же анализ представленных баллад выполнен на стыке мифопоэтики, танатологии и исторической поэтики, доказывая мысль Д.С. Тюкиной о самобытности русского поэта, который не заимствует художественные принципы и образы Гете, а трансформирует их в соответствии с русскими представлениями о поэтическом даре и с православным представлением о жертвенности.

Достоинством параграфа следует признать обращение к эпистолярному наследию А.К. Толстого, которое расширяет представление об эстетических принципах и духовных исканиях русского поэта.

Параграф «"Чаша жизни" в балладах «Князь Михайло Репнин» А.К. Толстого и "Фульский король" И.В. Гете» существенно расширяет и уточняет позицию автора диссертации о сюжетных особенностях баллад, близких по своим танатологическим мотивам. Рассматривая структурообразующие мотивы смерти и архетипический образ, автор диссертации утверждает, что мотив «чаши жизни» восходит к ритуальным практикам и мифологическим представлениям, но в романтической балладе он приобретает новый смысл. Из символического образа он трансформируется в основу сюжета и маркер выбора героя.

Удачным является параллелизм, обнаруженный при сопоставлении образов «Фульского короля» Гёте и князя в балладе «Князь Михайло Репнин» Толстого. И в одном и в другом произведении кубок становится символом смерти. Только в немецкой балладе сюжетный ход связан с погружением кубка в море и последующей смертью героя, в русской балладе падение кубка предшествует гибели князя. Совершенно очевидно, что архетипический образ кубка соединяет в себе магические, религиозные, философские и психологический смыслы и позволяет выявить национальные черты в исследовании границ жизни и смерти.

Одной из сложных проблем, рассмотренных в параграфе о балладе А.К. Толстого «Три побоища» и балладе Гейне «Поле битвы при Гастингсе», стала проблема специфики историзма русского поэта. Д.С. Тюкина не просто констатирует факт художественной трансформации истории А.К. Толстым, но и

выявляет ее глубинные механизмы, обусловленные панъевропейскими взглядами русского поэта, осмысление им культурных и социальных особенностей жизни, формирующих уникальный русский менталитет.

Автор исследования убедительно доказывает, что свободное соединение в одном хронотопе трех битв разных лет является осознанным художественным приемом, направленным на утверждение мысли об «общности с остальной Европой».

Д.С. Тюкиной рассматривается не только тематика, но и образная система баллад. Устанавливается, что произведения Толстого и Гейне связаны образом Гарольда Годвинсона и его гибелью. Общим для баллад становится мотив предзнаменований: у Гейне кроваво-красная комета, у Толстого сон княгини Рогнеды. Сходным является и образ ворона, который выполняет в текстах произведений схожие функции: у Гейне вороны – существа, связанные с миром мертвых, у Толстого ворон появляется во сне княжны и возвещает грядущую гибель Гарольда. Как заключает автор диссертации, функция воронов – предвестие смерти и соединение мира живых и мира мертвых.

Отмечает автор исследования и принципиальное отличие. В балладе Гейне авторская позиция выражена традиционной формой повествователя, а в балладе Толстого позиция представлена в «хоре воронов», что является доказательством самостоятельности в интерпретации русским поэтом архетипического образа.

Выводы, сделанные диссертантом, являются глубокими и убедительными. Импонирует, что Д.С. Тюкина не считает тему своего исследования исчерпанной и в заключении намечает широкие перспективы дальнейшего изучения танатологии в творчестве А.К. Толстого.

Наконец имеет смысл сказать об общем впечатлении, которое производит работа Д.С. Тюкиной. Она выполнена на высоком филологическом уровне и демонстрирует как многообразные компетенции диссертанта (знание немецкого языка, научной литературы, философии), так и его желание ставить и решать глобальные проблемы поэтики.

Однако, несмотря на безусловные достоинства работы Д.С. Тюкиной, в ходе чтения возникли вопросы и замечания.

В диссертации указывается, что «мортальный код» может быть выявлен в ходе проведения структурно-семантического анализа текста. Если принять это положение, то не совсем ясно, чем отличается танатопоэтический анализ от

традиционного анализа образов смерти/страха смерти в литературном произведении?

В исследовании подробно изучен немецкий романтизм (с.46-60). Упомянуты произведения Гете «Атта Троль», «Новые стихотворения», «Зимняя сказка», «Страдания юного Вертера» (с. 59), «Годы учения Вильгельма Мейстера» и т.д. Называются, но не подвергаются анализу баллады Гете «Фульский король», «Лесной царь», «Кладоискатель», «Коринфская невеста» (с.57), Шиллера «Перчатка», «Водолаз», «Ивиковы журавли», Л. Уланда «Маленький Роланд», «Меч Зигфрида» (с.42). Какова цель использования столь широкого контекста? Целесообразнее было бы остановиться на рассмотрении танатологических аспектов в немецких балладах.

Детальный анализ текстов А.К. Толстого не дает ответа на вопрос: чем танатопэтика баллад поэта отличается от романтической танатологии (например, от Э.Т.А. Гофмана или Л. Тика)?

Автор усматривает влияние готического романа на образ «восставшего покойника» у немецких романтиков (ссылка на Красильникова), но не развивает эту линию применительно к Цедлицу. Чем баллада Цедлица отличается, например, от «Леноры» Бюргера? Как именно «готическая» эстетика ужаса трансформируется у Толстого в элегическую грусть?

В процессе чтения обнаружена досадная опечатка: «Одна из последних баллад А.К. Толстого, «Слепой», датированная январем 1973 года, отражает размышления писателя о предназначении поэта и о природе поэтического дара» (с.133).

Однако вопросы и замечания носят характер уточнений и пожеланий и не оказывают принципиального влияния на общую высокую оценку работы Д.С. Тюкиной. Они вызваны размышлениями о тех глобальных проблемах, которые поставила перед собой автор исследования.

Цель и задачи, поставленные исследователем, в полной мере реализованы; положения, выносимые на защиту, представляются вполне продуманными и убедительно доказываются в ходе проведенного анализа текстов. Полученные результаты, отраженные в автореферате и 7 статьях (общим объемом 3,15 п.л., включая 3 статьи в изданиях, опубликованных в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации), являются достоверными, а выводы обоснованными и доказательными.

